

DOI 10.32726/2411-3417-2022-3-99-116

УДК 93/94

Антон Крутиков

«Вольным воля»: Великое княжество Литовское и Москва в конце XIV — середине XV вв.

Аннотация. В статье рассматриваются взаимовлияние элит и политических традиций Московского великого княжества и Великого княжества Литовского (ВКЛ), а также динамика отношений между двумя этими государственными образованиями в XIV–XV вв. Обращение к архивам и дореволюционной отечественной историографии заставляет вспомнить о неоправданно забытых русских корнях ВКЛ и «литовских» проекциях средневековой русской истории. На рубеже XIV–XV столетий Москва и Литва возглавили центростремительные процессы «собирания земель» на обширном пространстве восточнославянского мира, что позволяет говорить не столько об их соперничестве на том этапе, сколько о кооперации. Взаимовыгодный династический союз Витовта и Василия I на несколько десятилетий вперед определил характер политической истории земель западной и северо-восточной Руси.

Ключевые слова: Литва, Москва, Великое княжество Литовское, ВКЛ, Московское великое княжество, российская государственность, Витовт, Василий I, Василий II.

Процесс становления российской государственности и консолидации русских земель вокруг Москвы не проходил автономно и обособленно, в отрыве от масштабного внешнеполитического и исторического контекста. На пути к централизованному Российскому государству эпохи Ивана III с его «вертикалью власти», Судебником 1497 г., имперской идеей, воспринятой от потерпевшей крушение Византии, и зарождающимся московским единодержавием было много преград и соперников. Одним из главных конкурентов московских князей в деле собирания земель древней Руси в XIV–XV вв. традиционно считается Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское (ВКЛ). Обширная держава литовских князей возникла в XIII–XIV вв.; в период своего расцвета она занимала земли современной Литвы, Беларуси, Украины, западные области России и даже некоторые восточные воеводства Польши. На протяжении столетий своей истории ВКЛ сохраняло полиэтничный характер, но было при этом государством в основном славянским и православным [Кудий, с. 2]. Восприятие ВКЛ в отечественной исторической и политической мысли как минимум с середины XVI в. определялось масштабным противостоянием двух политических систем — Москвы и Литвы, соперничеством двух различных государственных моделей, нацеленных на собственное видение

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, внештатный эксперт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, bialyorzel1000@gmail.com.

политической организации пространств Восточной Европы. Утвердившийся с началом эпохи Ивана IV «москвоцентризм», как универсальный подход к осмыслению национального прошлого, позднее восторжествовал не только в официальных апологиях российского «самодержавства», но и в отечественной исторической науке.

Вместе с тем дореволюционная историография оставила потомкам чрезвычайно богатое наследие изучения Великого княжества Литовского. Это стало возможным в том числе благодаря особенностям развития российской имперской модели в XVIII–XIX вв., объединившей на пике своих внешнеполитических успехов и масштабных внутренних трансформаций традиции как «московской», так и «западно-русской» политической и культурной жизни. Цивилизационный выбор Петра и его потомков, связавший тогда Россию и Европу, и превращение великорусской культуры в великую русскую культуру с ее «всемирным значением» (Ф.М. Достоевский) были осуществлены не без участия выходцев из западнорусских (русско-литовских) земель. Среди них следует отметить выдающихся просветителей, администраторов, политических и религиозных философов Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Дмитрия Ростовского, Георгия Конисского и многих других уроженцев Западной Руси. Последний в череде этих неординарных исторических личностей опирался в своей деятельности на многочисленные документы, хроники и юридические акты времен ВКЛ, апеллируя к давним правам и вольностям «русского народа», что актуализировало интерес к прошлому этого государства.

Важно, что именно в конце XVIII столетия, после включения всех бывших земель ВКЛ в состав Российской империи (1795), в руки исследователей попал богатый документальный материал. Многочисленные «хартии» и «метрики» литовских великих князей отныне приобретали не столько практическое и юридическое, сколько научно-историческое значение. Уже в XIX в. вновь открытый обширный корпус исторических источников послужил основой для тщательного изучения и сравнительного анализа политической и социально-экономической истории ВКЛ с историей Москвы. Обращает на себя внимание разнообразие подходов, богатство мнений, оценок и концепций, выработанных дореволюционными исследователями при рассмотрении спорных вопросов прошлого «Литовско-Русского государства» [Дворниченко, с. 97].

Этого, однако, нельзя в той же мере сказать о советском и современном российском опыте изучения Великого княжества Литовского. В советскую эпоху общим местом стала характеристика Литвы как «государства литовских феодалов», захвативших в XIV—XV вв. западные и юго-западные русские земли и установивших на них неслыханный национальный и социальный гнет [Великое княжество Литовское].

Вопреки сформулированному еще С.М. Соловьевым принципу преемственности отечественной истории, наследие ВКЛ зачастую рассматривалось (и продолжает рассматриваться) через оппозицию «свой — чужой», а потому объявляется чуждым, обособленным от российского (и, следовательно, неактуальным) наследием, принадлежащим к иной исторической и культурной традиции. Еще более деструктивные из-

менения произошли в эпоху после крушения СССР, когда история ВКЛ была разделена по «национальным квартирам» новообразованных постсоветских государств, что привело к фрагментации и политизации исторического знания.

В то же время символическое присутствие фигур сразу трех литовских князей в композиции памятника «Тысячелетие России» в Великом Новгороде наводит на размышления о несправедливом забвении «литовского периода» средневековой русской истории в более поздней отечественной историографии¹.

Автор этих строк смог лично убедиться в этом, когда в одном из современных изданий труда выдающегося русского историка С.Ф. Платонова (1860–1933) «Лекции по русской истории» не обнаружил в его тексте раздела «Литва». В оригинальном издании (автор использовал репринт юбилейного, десятого издания «Лекций», вышедшего в августе 1917 г.) раздел «Литва» расположен между разделами «Псков» и «Московское княжество до середины XV века», повествуя о развитии западнорусских земель в XIII — XV вв. Очевидно, современным редакторам слово «Литва» показалось иностранным, не имеющим отношения к России, из-за чего они попросту выбросили огромный пласт отечественной истории, «поправив» тем самым выдающегося дореволюционного историка и академика. Между тем, словно предвидя пренебрежительное отношение будущих поколений к его труду, в «исчезнувшей» главе С.Ф. Платонов писал: «Что касается русских ученых, то они прежде мало обращали внимания на историю Литвы, и только в последнее время развилось сознание, что Литва была государством по населению русским и что изучение ее, с точки зрения этнографической и исторической, составляет интерес первостепенной важности для русского историка. **В Литве, история которой шла иным путем, чем история Москвы, сохранились чище и яснее некоторые черты древнерусской жизни, и русское общество в Литве осталось в своей массе верным своей народности, хотя и поставлено было в тяжелые условия жизни и развития**» [Платонов, с. 128].

Один из учителей Платонова, петербургский историк К.Н. Бестужев-Рюмин, во второй половине XIX в. предложил собственную периодизацию отечественной истории, которая опиралась на наличие двух центров государственного объединения русских земель: московского и литовского. По его словам, «Одновременно с образованием государства в Руси северо-восточной слагается государство и в Руси западной» [Бестужев-Рюмин, с. 1]. В целом этот подход разделяли многие представители дореволюционной отечественной историографии. Работу К.Н. Бестужев-Рюмина «Русская история» (1872–1885), где Литве была посвящена отдельная объемная глава, В.О. Ключевский позднее называл настольной книгой каждого русского историка [Дворниченко, с. 99].

---

1 На памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде в ряду «Государственные люди» три литовских князя следуют сразу за Ярославом Мудрым и Владимиром Мономахом. Фигуры Гедимина, Ольгерда и Витовта предшествуют фигуре Ивана III. Символично, что Микешин не поместил в одном ряду с Иваном III его предшественника Василия II, внука великого князя литовского Витовта, а отдал предпочтение его знаменитому деду.

Стоит заметить, что термин «Литва» применительно к российской истории до 1917 г. был прекрасно знаком не только специалистам в области изучения прошлого. Скульптор М.О. Микешин, создавая свой знаменитый монумент в Новгороде, стремился подчеркнуть вклад литовского периода в развитие самобытной государственной традиции России, недаром все три фигуры литовских князей предшествуют фигуре Ивана III, одного из главных «государственников» и объединителей Руси. Сам монумент при этом имеет форму державы, подчеркивая единство истории и политической традиции, вопреки всем сложностям и противоречиям долгого пути создания единого российского государства.

Близок был подобный подход и А.С. Пушкину, ибо мятежная «Литва» упоминается им в первых строках знаменитого стихотворения о «споре славян между собою», в полном соответствии с принятыми в его эпоху историческими и географическими представлениями о сложившейся номенклатуре названий западнорусских земель.

Разумеется, в XXI в. редакторов могли смутить не «волнения Литвы», оставшиеся в далеком прошлом, а изменившийся политический контекст и укоренившийся еще в советскую эпоху «интернациональный» подход, когда единая история России была в значительной мере разделена на историю отдельных союзных республик. Наследуя эту традицию, и сегодня отечественная история часто выступает в роли «истории РФ», ограничиваясь географическими рамками бывшей советской федерации.

Подобных досадных казусов можно встретить немало в современных исторических публикациях. (Вспомнить хотя бы внезапное исчезновение со страниц учебников и научных изданий термина «Киевская Русь», также введенного в научный оборот российскими кабинетными историками XIX в.) К сожалению, политическая конъюнктура никогда не сказывалась благоприятно на качестве исторического исследования, эта максима давно и хорошо известна (подобно принципам средневековой университетской науки, она не содержит в себе «ничего нового»). Печально, когда находятся исследователи, готовые закрыть на это глаза.

Возникает вопрос, какие же черты «древнерусской жизни» удалось разглядеть в литовском государстве XIII — XV вв. С.Ф. Платонову. Помимо древнерусского языка, русской культурной традиции и Православия, он имел в виду исторически сложившуюся социальную организацию и древнерусское право, которые продолжали действовать в ВКЛ и после перехода русских земель под власть литовского князя.

«Русский» характер ВКЛ подчеркивали многие исследователи — коллеги и современники С.Ф. Платонова, в том числе М.К. Любавский, М.Ф. Владимирский-Буданов, М.В. Довнар-Запольский [Любавский, с. 1; Владимирский-Буданов, с. 54-55; Довнар-Запольский, с. 12-13].

Все они обращали внимание на особый характер отношений, которые сложились между великокняжеской властью в ВКЛ и местными элитами. Хрестоматийными стали

слова литовских великих князей, обращенные к русской знати: «Мы старины не рухаем, а новин не уводим», что подчеркивало приверженность литовской династии прежним политическим порядкам и древнерусским правовым традициям.

По словам ученика В.О. Ключевского, ректора Московского университета М.К. Любавского, Литовская Русь «была исконная Русь, сидевшая на старом корню, медленно эволюционировавшая, но не срывавшаяся со своих жизненных устоев» [Любавский, с. 1].

В XIV в., в княжение великого князя литовского Гедимина (1316–1341), его сыновей Ольгерда (1345–1377) и Кейстута (1345–1382), ВКЛ постепенно расширило свои владения, трансформируясь из незначительного феодального княжества в огромное восточноевропейское государство.

Сохраняя автономию и иммунитетные права местных русских элит, литовские князья смогли присоединить волынские, витебские, турово-пинские, киевские, переяславские, подольские, чернигово-северские земли, заявляли о своих претензиях на Новгород и Псков. В 1358 г. в беседе с послами императора Священной Римской империи Карла IV Люксембургского великий князь Ольгерд открыто заявил о своей политической программе: «Вся Русь должна принадлежать Литве» [Сергеев, с. 23].

Впечатляющие успехи потомков Гедимина по расширению территории Великого княжества Литовского в XIV в. вызваны прежде всего взаимовыгодным союзом литовской знати с высшим классом древнего русского общества — местным боярством. Не имея опоры среди этого влиятельного и многочисленного класса, подчинившего себе политическую жизнь русских земель еще в «удельную» эпоху, Вильно едва ли удалось бы стать центром обширного восточноевропейского государства.

При внимательном изучении обстоятельств присоединения к ВКЛ Киева, Витебска, Волыни, Чернигово-Северской земли, Смоленска и других русских областей становится ясно, что боярство сыграло в этом значительную роль [Довнар-Запольский, с. 13].

В 1356 г. Ольгерд захватил Брянск, воспользовавшись тем, что после смерти последнего брянского князя Василия Александровича в городе начался «мятеж от лихих людей, и заматня велия», а местное боярство перешло на сторону Литвы. Сходная история произошла в 1404 г. в Смоленске (борьба за этот город шла с переменным успехом еще с 1390-х годов), где смоленский князь Юрий Святославич бежал в Москву, а бояре открыли ворота и сдали город осаждавшему его Витовту. «Бояре-изменники великому князю Юрию Святославичу Смоленскому, — лаконично сообщает по этому поводу летописец, — отворили Витовту город Смоленск» [Лицевой летописный свод...].

По словам Н.М. Карамзина, «Полки Литовские без малейшего сопротивления вступили в крепость, обезоружили воинов, взяли некоторых верных Бояр под стражу, впрочем не делая жителям никакого вреда, соблюдая тишину, благоустройство. [...]

Витовт, заняв всю Смоленскую область, везде определил своих чиновников, [...] но гражданам и сельским жителям даровал особенную льготу, желая отвратить народ от Юрия и привязать к себе: в чем успел совершенно и чрез несколько лет в кровопролитной с Немцами битве, где более 60000 человек легло на месте, одержал победу единственно храбростию верных ему Смоленских воинов. — Таким образом, взяв древний город Российский в первый раз обманом, вторично изменою, Витовт благоразумною политикою утвердил его за Литвою на 110 лет и тем заключил ее важные присвоения в России» [Карамзин, с. 180-181].

Смоленские события 1404 г. стали кульминацией продвижения литовских границ на восток. Уже в 1408 г. граница между ВКЛ и великим княжеством Московским была установлена на р. Угре. К началу XV столетия литовские князья Ольгерд, Ягайло и Витовт, удачно используя местные княжеско-боярские противоречия, смогли настолько расширить пределы литовско-русского государства, что его территория простиралась от Балтийского до Черного морей, причем до 9/10 ее составляли русские земли, преимущественно населенные восточнославянским (русским) населением. Древнерусский язык в его западном варианте («простая мова», «руска мова») стал языком не только русских областей от Берестья до Ржева и от Полоцка до Чернигова, но и значительной части литовской знати. Первые литовские князья охотно женились на православных княжнах из северо-восточной Руси и сами принимали Православие. Так, сын Ольгерда и тверской княжны Иулиании литовский великий князь Ягайло до перехода в католичество в 1386 г. носил православное имя Яков, а Витовт вообще был крещен трижды, причем во второй раз, в 1384 г., — по православному обряду под именем Александр.

Во времена Ольгерда, Ягайло и Витовта русские земли ВКЛ еще не испытывали явного национального или религиозного гнета, не было и попыток ломки устоявшегося уклада политической жизни. Старые права территорий и городов подтверждались великокняжеской властью, политика Вильно заключалась в мирном урегулировании процессов поглощения новых земель и административного управления обширными русскими территориями. Все основные рычаги власти на местах оставались преимущественно в руках православной знати, причем наибольшие выгоды от подчинения литовскому князю приобретало местное боярство. Подтверждение давних привилегий, раздача новых земельных пожалований крепко привязывали боярство к интересам литовской великокняжеской династии.

Главным и наиболее важным для боярства преимуществом было освобождение боярских земель от уплаты государственных налогов («посошное»). Так, в «записи о Смоленской посошине» 1453 г. раскрывалась общепринятая в ВКЛ правовая практика, утвердившаяся еще в более раннюю эпоху:

«То старина за Витовта была, поведают стары старцы и путники старыи: з отчин боярских не давана посошина, и тож с купли, хто што купит отчину боярскую, и с того тож не давана посошина; а што приданье великого князя Витовта, или иных великих князей, и с того давана посошина. А також, кому дасть великий князь пустовщину,

селище посощинное, а служба будеть одна была с того селища, и сядет сам боярин на том селищи, и людей што за собою посадит на том селищи: с того господарю конем служит и на приезд конь дает, а посощины и с тех людей не дает. А примет ли другое селище, с которого посощина хоживала, а посадит человека: с того дает посощину; а што будет лес тогож селища николи не пахыван, и тот лес распашет и посадит людей: и с тех людей нет посощины» [Акты, относящиеся... с. 69].

Как заметил в комментарии по поводу другого правового акта эпохи Витовта редактор и издатель «Вестника Европы» (1827) М.Т. Каченовский (один из пионеров российского источниковедения и археографии), «Для нас вот любопытная сторона документа: в нем видим мы язык Русский, употребительный в канцелярии могущественнейшего из Литовских государей; видим подчерк и форму диплома, принадлежащие, может быть, четырнадцатому столетию. И по одному ли языку История Литвы для нас любопытна? Она имеет тесную, неразрывную связь с Историей собственного отечества нашего, и одна для другой служит объяснением» [Вестник Европы].

Соглашаясь с глубоко верной мыслью М.Т. Каченовского о взаимосвязи и общих корнях литовской и русской истории, следует заметить, что период рубежа XIV–XV вв. представляется ключевым для понимания дальнейшего политического развития Москвы и Литвы. Именно к этому времени относятся главные достижения литовских князей по расширению границ ВКЛ на восток, и тогда же происходит наибольшее сближение этого государства с Московским княжеством. ВКЛ активно формирует свои государственные институты, двигаясь в сторону унификации управления своими полиэтничными территориями и укрепления власти великого князя. Великий князь литовский Витовт уже не довольствуется одним лишь расширением границ ВКЛ. Он решительно упраздняет местные княжения в Подолии, Киеве, Витебске и Брянске, что приводит к усилению литовского влияния в этих землях и повышению роли и политического значения великокняжеской власти. Он вмешивается в дела Новгорода и Пскова, заключает договоры с князьями тверским, рязанским и пронским. Пользуясь благожелательным нейтралитетом Москвы, он захватывает Смоленск и сокрушает своего давнего врага, смоленского князя Юрия Святославича (женатого на дочери рязанского князя Олега Ивановича, недруга московских князей). Проводя независимую политику в Новгороде и Пскове, Витовт закладывает программу действий в отношении этих двух боярских республик, актуальную на протяжении всего XV столетия. Уже в конце XIV в. становится ясно, что существование здесь вечевого формы правления мало совместимо с принципами сильной великокняжеской власти. Программу подчинения Новгорода и Пскова зарождающемуся централизованному государству в будущем блестяще выполнят московские великие князья.

Сходные процессы консолидации земель вокруг нового центра и укрепления великокняжеской власти происходят на рубеже столетий и в Москве. Путем «примыслов» и «прикупов» князь постепенно расширяют свой московский удел, их владения медленно вклиниваются в территории соседних княжеств и свободные земли новгородцев. Великий князь Василий I, сын Дмитрия Донского, приобретает ярлыки на княжение

в Нижнем Новгороде, Муроме и Тарусе, подчиняет Великий Устюг, контролирующей стратегически важный речной путь по Северной Двине в Поморье. В 1397 г. под власть Москвы временно переходит обширная Двинская земля, принадлежавшая Великому Новгороду. И ВКЛ и Московское княжество в конце XIV в. бросают вызов Золотой Орде — со времен Дмитрия Донского и Куликовской битвы в духовных грамотах московских великих князей появляется универсальная формула: «А переменит Бог Орду», выражавшая надежду на скорое избавление от золотордынского ига.

В противовес известной историографической тенденции, выводящей российскую государственность из эволюции политических и административных практик «улуса Джучи», следовало бы обратить внимание на другую политическую традицию, сформировавшуюся в XIV в. к западу от Москвы. Вклад Литвы в формирование российской государственности до сих пор недооценен. Между тем поистине революционным сегодня могло бы прозвучать открытие М.В. Довнар-Запольского, сделанное еще 120 лет назад: русское влияние в ВКЛ было не только хронологически более ранним, но и по своему воздействию на государственность более значимым, чем польское. Главная же особенность Литвы — в раннем проявлении государственных начал в противовес частно-правовым, вотчинным порядкам и «земскому строю русских областей» [Довнар-Запольский, с. 7–8].

В итоге два возникших государственных центра, опираясь на государственно-правовые и частно-правовые начала, органично дополняли друг друга. В конце XIV столетия Москва и Литва возглавили центростремительные процессы политического объединения земель на обширном пространстве восточнославянского мира, причем на определенном этапе можно говорить не столько об их соперничестве, сколько о кооперации.

Генетическая близость двух славянских государств лучше всего просматривалась на уровне элит. Их взаимопроникновение и взаимовлияние в значительной мере определяли особенности политической организации и персональный состав политического класса как в Москве, так и в Вильно. Многочисленные привилегии для боярства существовали и в ВКЛ, и в великом княжестве Московском (в последнем на землях церковных и светских феодалов позднее возникнут знаменитые «белые слободы»), что еще больше сближало боярский класс этих двух государств. Свободное перемещение боярства, переходившего на службу от одного государя к другому, также было фактором, приводившим к «стиранию границ». Сами же эти границы никогда не были устойчивыми и постоянными.

Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича Донского с его братом Владимиром Андреевичем Серпуховским 1388 г. зафиксировала право боярского отъезда, многократно повторяемое затем в документах эпохи: «А Бояром и слугам межи нас вольным воля» [Собрание... с. 57]. Боярство широко пользовалось этим правом.

На стороне Дмитрия Донского в Куликовской битве участвовали литовские князья — сыновья Ольгерда Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский. засадным полком,

решившим исход битвы, командовал воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, которого некоторые исследователи относят к потомкам Гедимины (указан в документах первым среди московских бояр с 1372 г.).

Историки отмечают взаимовыгодный характер союза боярства и великокняжеской власти. По меткому замечанию В.О. Ключевского, «боярин ехал на службу в Москву, ища здесь служебных выгод. Эти выгоды росли для служилого человека вместе с успехами его хозяина. Это устанавливало единство интересов между обеими сторонами» [Ключевский].

На рубеже XIV–XV вв. немало потомков Гедимины и других литовских князей сознательно избирали великое княжество Московское своим новым отечеством. Обосновавшись в Москве, Гедиминовичи стали второй по знатности после Рюриковичей княжеской династией. Практически все они вошли в состав боярства — русской высшей аристократии и с XV в. играли видную роль во многих событиях общерусской истории. Гедиминовичи стали основоположниками известных российских княжеских родов: Голицыных, Куракиных, Хованских, Полубинских, Трубецких, Патрикеевых, Волынских, Мстиславских, Булгаковых и многих других.

В июле 1408 г. в Москву на службу к великому князю Василию Дмитриевичу приехал литовский князь Свидригайло (сын Ольгерда и тверской княжны Иулиании). Как сообщает Воскресенская летопись, вместе с ним прибыли Брянский владыка Исаакий, братья князя Патрикей и Александр Федоровичи Звенигородские, князь Федор Александрович Путивльский, князь Семен Иванович Перемышльский, князь Михаил Иванович Хотетовский, князь «Урустай Менский» со своими дружинами, а также черниговские, брянские, стародубские, любутские и рославские бояре¹.

Наблюдалась и обратная тенденция, когда конфликты с великокняжеской властью вели к «отъезду» наиболее знатных представителей боярства из северо-восточной Руси в Литву. Свободное перемещение боярских сил между Москвой и Литвой было для XIV–XV вв. абсолютно рядовым и легко объяснимым явлением. Между двумя государствами практически отсутствовали языковые различия, в них действовало обычное древнерусское право, социальные отношения и социальная организация общества были во многом схожи. Литовские князья и бояре, прибывая в Москву, немедленно получали щедрые земельные пожалования и вливались в состав русской аристократии. То же происходило и в ВКЛ. Судьба упомянутых выше соратников Дмитрия Донского — героев Куликовской битвы, погибших спустя 19 лет в битве на Ворскле (1399), сражаясь под знаменами Витовта, является достаточно яркой иллюстрацией такой «свободы службы».

В начале XV столетия, подчиняясь общим тенденциям политической консолидации земель на обширном пространстве восточнославянского мира, ВКЛ и Москва объеди-

---

1 Ряд исследователей напрямую связывает отъезды князей из ВКЛ в Москву с централизаторской политикой Витовта [см. Гудавичус, с. 212].

няются на основе взаимных стратегических интересов в тесный военно-политический союз, укрепленный династическими связями. Первым шагом к такому сближению послужил брак дочери Витовта Софыи и московского великого князя Василия Дмитриевича в начале 1391 г. Это был тщательно обдуманый династический союз, заключенный при участии церкви и литовского княжеского двора, который имел далеко идущие политические последствия. Помолвка Софыи Витовтовны с наследником московского престола состоялась летом 1387 г. после побега Василия из Орды в Москву через земли ВКЛ. Софья прибыла в Москву в декабре 1390 г. и 9 января 1391 г. обвенчалась с Василием «в соборной церкви».

За этим браком, заключенным по инициативе митрополита Киприана, убежденного сторонника русского духовного единства и борьбы с Ордой, последовал новый союз. В июне 1392 г. родная сестра Василия Дмитриевича Мария была выдана за князя Семена-Лугвеня, который позже стал играть значительную роль в восточной политике Витовта [Беспалов, с. 139]¹.

Василий I и его княгиня много раз встречались с Витовтом в пограничном Смоленске, причем московский князь не оказывал никакого противодействия намерениям Литвы подчинить этот город своему влиянию. Скорее наоборот, связанный родственными связями с Рязанью смоленский князь Юрий Святославич вызывал в Москве и Вильно одинаковое раздражение. Рязанский князь Олег был давним недругом московских князей. Известно о его участии в переговорах с Мамаем накануне Куликовской битвы в 1380 г.; во время нашествия Тохтамыша в 1382 г. именно он указал ордынцам броды на р. Оке. Заключенный после 1385 г. при посредничестве Сергия Радонежского мир между Москвой и Рязанью оказался далеко не прочным. В конфликте смоленского князя Юрия Святославича с Литвой Олег выступал с антилитовских и антимосковских позиций, что сближало интересы Вильно и Москвы.

Тверская летопись сохранила уникальные отголоски одного из договоров между Василием I и Витовтом, не дошедшего до наших дней. Согласно ему, московский князь обещал тестю «не вступати ся в Смоленскъ за Юрія никаким деломъ» [Там же]. Итогом стала ликвидация института смоленского великого княжения в 1404 г., Смоленск перешел под власть Витовта, и здесь отныне правила литовские наместники. Рассматривая эти события (как и роль в них Василия I) не через идеологему «захвата русских земель литовскими феодалами», а с учетом множественных граней происходивших тогда процессов, можно прийти к неожиданным выводам.

Объективно ликвидация самостоятельного княжения в Смоленске (а также в Черниговской земле, подконтрольной Витовту) была в определенном смысле на руку как

---

1 Сын Ольгерда, брат Ягайло. В 1408–1411 гг. — предположительно наместник Витовта в Смоленске. В 1410 г. командовал смоленскими хоругвями в Грюнвальдской битве. Позднее правил в Мстиславле. В эти же годы дочь Василия I Анастасия стала женой литовского князя Александра (Олелька) Владимировича, внука литовского великого князя Ольгерда.

Вильно, так и Москве. Институт наместников гораздо лучше отражал стремление великокняжеской власти к укреплению своих позиций и более соответствовал реальной на тот момент расстановке политических сил. Существование нескольких самостоятельных великих княжений в обширной «буферной» зоне между ВКЛ и Москвой выглядело на фоне укрепления этих двух государств анахронизмом. Недаром сам князь Юрий Смоленский предлагал Василию I забрать его владения под власть Москвы (от чего Василий дипломатично отказался, «норовя тестю своему, Витовту») [Супрасльская рукопись... с. 136].

Тонкое и верное наблюдение о характере конфликта между Юрием Смоленским и Витовтом принадлежит М.В. Довнар-Запольскому. В 1401 г., когда Юрий и Олег Рязанский осадили Смоленск, защищаемый литовскими войсками, в городе произошла «замятня» великая, одни «хотѣли взяти собе *государемъ* Витовта, а другіе хотѣли князя Юрія, *отчича*» [Довнар-Запольский, с. 19]. На стороне Витовта был, таким образом, стратегический, государственный подход к объединению русских земель, а на стороне Юрия — отживший свое прежний вотчинный правовой порядок.

Укрепление политического влияния Московского и Литовского великих княжеств в Чернигово-Северской земле также не случайно относится к рубежу XIV–XV вв. и подробно описано в исторической литературе [Беспалов, с. 146–148]. Василий I в начале XV в. овладел Козельском, который он передал своему дяде, князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому, а тот, в свою очередь, сыну Ивану. Более того, после смерти Олега Рязанского (1402) и бегства его зятя Юрия Смоленского в Новгород (1404) Рязанское княжество оказалось в русле московской политики. Новый великий князь Федор Ольгович Рязанский был женат на родной сестре Василия Дмитриевича, Софии. Он заключил с московским князем союз и полностью подчинился воле Москвы в отношениях с Литвой. Договорная грамота 1402 г., написанная по благословению митрополита Киевского и всея Руси Киприана, заканчивалась словами: «А въсхочеть съ тобою тесть мой Князь Великы Витовтъ любви, ино тобѣ съ нимъ взяти любовь, со мною по думѣ, какъ будетъ годно» [Собрание... с. 67].

В итоге Смоленск и Рязань окончательно попадают в орбиту влияния Вильно и Москвы: смоленское великое княжение ликвидируется Витовтом, рязанское оказывается целиком в русле московской политики. Многочисленные феодалы в Чернигово-Северской земле не могут более ориентироваться ни на Смоленск, ни на Рязань, оказавшись между Москвой и ВКЛ. Самостоятельные центры силы в этом регионе исчезают. Если вспомнить, что в 1393 г. Василий Дмитриевич получил контроль над Суздальско-Нижегородским великим княжением, можно заключить, что политические программы московского князя и Витовта были во многом схожи.

Что же касается строптивых новгородцев, то для них у Василия I и Витовта были подготовлены особые и весьма убедительные аргументы. Витовт опирался на текст договора с магистром Тевтонского ордена Конрадом фон Юнгингеном от 12 октября 1398 г., согласно которому орден обязывался помогать литовскому князю в подчинении Новгорода

в обмен на Жемайтию. Витовт, со своей стороны, должен был содействовать приобретению орденом Пскова. Так как Василий Дмитриевич развязал Витовту руки в новгородских и псковских делах, перспектива скорого ограничения новгородской «вольности» выглядела для этой боярской республики по-настоящему пугающей и серьезной.

Отношения Москвы и Вильно при Василии I не испортил даже короткий период военного противостояния в 1406–1408 гг., который историк Р.А. Беспалов вполне справедливо относит к разновидности «семейного спора». Поводом к нему послужила попытка Витовта добиться выдачи своего давнего соперника князя Юрия Смоленского, укrywшегося в Новгороде. Устранение причины спора (внезапная смерть князя Юрия в Золотой Орде в 1407 г.) помогло быстро восстановить союз Москвы и Литвы. Мирные отношения Литвы с Новгородом были восстановлены летом 1407 г. когда наместником в этот город был направлен князь Семен-Лугвений. С этого момента конфликт Витовта с новгородцами был исчерпан.

В 1408 г. Витовт и Василий I заключили мирный договор. По словам С.М. Соловьева, мир с Литвой установил новую границу между Литовским и Московским княжествами по р. Угре. «Витовт был сдержан: после мира на Угре, во все остальное время княжения Василиева, он не обнаруживал больше неприятельских замыслов ни против Москвы, ни против Новгорода и Пскова» [Соловьев, с. 519].

В отличие от периода ожесточенной военно-политической конфронтации 1360–1370 гг. в эпоху великих князей Ольгерда и Дмитрия Донского в отношениях между Москвой и Литвой при Василии I наступил долгожданный мир. В конечном итоге он оказался важным условием укрепления могущества Москвы и ее политического влияния в соседних русских землях. Мирное сосуществование двух государств продлилось феноменально долго для позднего средневековья — почти 80 лет (1408–1487).

В Восточной Европе к концу правления Василия сложилась уникальная ситуация, когда значительная часть русских земель оказалась в семейном владении двух государей — Витовта и его зятя Василия I, что нашло отражение в духовных грамотах московского великого князя. Стратегически важный союз с Литвой Василий I стремился передать своим потомкам по наследству, видя в нем фактор стабильности и укрепления могущества Московского княжества. «Пролитовский» характер первого завещания Василия Дмитриевича (1407) отмечает современный российский историк В.А. Кучкин [Кучкин, с. 35]. Так, 13 из 22 статей завещания были посвящены правам великой княгини Софьи Витовтовны, защите ее интересов и огромных владений, раскинувшихся от «Устюга, Курмыша и Нижнего Новгорода до Вологды и Бежецкого Верха, концентрируясь близ Москвы, Ростова, Переяславля, Юрьева, Костромы, Муромы» [Там же]. Все последующие завещания великого князя (всего их было три, что является уникальным случаем среди потомков Дмитрия Донского) также учитывали литовские интересы.

Статья 22 второго завещания Василия Дмитриевича предоставляла право Софье Витовтовне (а не ее сыну Василию — будущему Василию II Темному) удерживать у себя

ордынскую дань: «А перемѣнить богъ Орду, и княгини моя емлет ту дань собѣ, а с(ы)нѣ мои, князь Василеи, не вступаетса» [Там же]. За великой княгиней пожизненно закреплялись пожалованные мужем владения, как традиционно принадлежавшие супругам московских великих князей (некоторые из них Софье передала вдова Дмитрия Донского Евдокия Дмитриевна), так и новые, а также десятки волостей и сел в Московском княжестве и некоторых соседних землях. Основная часть владений составила собственный удел Софьи Витовтовны, при ней окончательно оформилась его территориальная и административная структура. В уделе великая княгиня обладала всей полнотой административно-судебных и финансовых полномочий: «а Волостели свои и тиуны и доводщики судить сама» [Собрание... с. 84].

Витовт выступал гарантом завещаний Василия I, они были заверены его печатью (на завещании 1423 г. печать литовского князя является единственной). Третье завещание Василия Дмитриевича, по мнению В.А. Кучкина, было по сути адресовано «только "брату и тестю" — обладавшему большим экономическим, военным и политическим потенциалом литовскому великому князю Витовту» [Кучкин, с. 53].

Если принять во внимание важное наблюдение, сделанное еще в дореволюционной историографии, о зарождении государственного аппарата в великом княжестве Московском из вотчинного управления, то становится понятной роль огромных «семейных владений» Василия I и великой княгини Софьи Витовтовны. Помимо великого княжения владимирского и московского удела Василий I передавал своим наследникам обширные вотчинные владения. Понятия «великое княжение» и «удел» четко разделялись в феодальную эпоху, и сами великие князья проводили строгую грань между ними в своих духовных грамотах. Великое княжение официально оставалось Владимирским, даже в эпоху Ивана III в титуле великого князя Владимир стоял выше Москвы. Исторически стольный город великих князей московских — это Владимир на Клязьме. Обладание великим княжением Владимирским зависело от воли хана Золотой Орды, именно оно означало политическое верховенство московских князей среди земель северо-восточной Руси. Василий I в первом и третьем завещании пишет о нем с особой осторожностью: «А даст бог сыну моему великое княженье» (московским же уделом он обладает безусловно). И только во втором завещании неожиданно благословляет сына своей «вотчиной» — великим княжением, применяя тот же принцип, которым он руководствовался при передаче наследникам своих московских владений.

Из вотчинных институтов сформировались позднее, на протяжении XV–XVI вв., органы управления централизованного Российского государства. Структуры вотчинной администрации стали зародышем будущего государственного аппарата, а идеологическим наполнением сильной великокняжеской власти стало стремление к ее сакрализации и укреплению политического суверенитета.

Последнее полностью укладывалось в политическую программу московских и литовских князей, реализуемую лично Василием I и Витовтом. Эта программа нашла отражение в завещаниях московского великого князя и других документах эпохи. Если

Василий I благословил сына Василия «своею вотчиною, великимъ княженьемъ, чѣмъ ма бла(го)словилъ мои от(е)ць» (искусно сочетая государственный подход и московский вотчинный порядок), то литовский великий князь в начале XV в. вознамерился даже примерить на себя королевскую корону [Собрание... с. 81; Барбашев, с. 238]. Можно отметить равное внимание обоих правителей к государственно-правовым началам в жизни земель западной и северо-восточной Руси, к идее сильного централизованного государства. Эти начала были переданы по наследству Василием I и Витовтом своим потомкам и позднее окончательно восторжествовали в великом княжестве Московском.

По завещанию великого князя Василия Дмитриевича 1423 г. великое княжение и московский удел должны были перейти к его малолетнему сыну Василию. При нем до совершеннолетия создавался своего рода регентский совет. Своего сына великий князь «приказал» жене Софье Витовтовне и ее отцу, великому князю литовскому Витовту: «А приказываю сына своего князя Василья и свою княгиню и свои дѣти своему брату и тѣстю великому князю Витовту, какъ ми реклъ, на Бозѣ и на нѣмъ [...] и своей братьѣ молодой» [Собрание... с. 85]. Именуя Витовта своим «тестем и братом», Василий Дмитриевич подчеркивал равенство двух государей, Витовт становился основным гарантом завещания, что в феодальную эпоху имело огромное значение.

Сразу после смерти Василия I 27 февраля 1425 г. реальная власть в Москве перешла в руки новых честолюбивых правителей — вдовы, великой княгини Софьи Витовтовны, и энергичного митрополита Фотия, тесно связанного с Витовтом. Разразившийся вскоре конфликт между малолетним Василием II и его дядей, галицким князем Юрием Дмитриевичем, за великое княжение (последний опирался на собственную трактовку завещания Дмитрия Донского, что стало началом междоусобной войны) только усилил позиции Витовта. Молодому князю Василию II приходилось уповать на помощь душеприказчиков отца, поэтому на Рождество 1426 г. митрополит Фотий решил отправиться в Литву, чтобы заручиться поддержкой Витовта и решить с литовским князем все спорные вопросы. Поездка заняла семь недель. Источники косвенно свидетельствуют, что и Софья Витовтовна посетила отца после смерти супруга. Результаты семейной дипломатии оказались крайне благоприятны для правителей Москвы и Вильно. Литовский великий князь стал *de facto* и *de jure* опекуном малолетнего Василия II и его огромных владений.

В августе 1427 г. Витовт с удовлетворением сообщал великому магистру Немецкого (Тевтонского) ордена Паулю фон Русдорфу: «...как мы уже вам писали, наша дочь, великая княгиня московская, сама недавно была у нас и вместе со своим сыном, с землями и людьми отдалась под нашу защиту» [Зимин, с. 39; Барбашев, с. 196].

Летом 1427 г. Витовт совершил большую поездку по русским землям, в ходе которой встречался со многими русскими князьями, принимал от них подарки и заключал договоры. В этот период великий князь рязанский Иван Федорович также встретился с Витовтом и заключил с ним договор («докончание»). Рязанский князь «дался ... ему

в службу». Тогда же перешел на службу к Витовту и пронский князь Иван Владимирович («добил челом — дался ему на службу») [Там же]. Тверской князь Борис Александрович заключил договор с Витовтом («своим господином, дедом и многих русских земель господарем») 3 августа 1427 г. [Акты, относящиеся... с. 46].

Складывалась картина формального переподчинения самостоятельных княжеств на периферии московских владений власти литовского князя, покровителя и опекуна малолетнего Василия II. Временные трудности, которые испытывала тогда великокняжеская власть в Москве, заставляли литовского правителя предпринять превентивные шаги для ее защиты. Их целью было побудить представителей других княжеских династий (традиционно называвших московского князя «старшим братом») задуматься о прочности своего положения. Перспективы затянувшейся борьбы за московский престол тогда были еще неясны. «Опека» Витовта стала фактором, позитивно отразившимся на укреплении позиций великокняжеской власти в Москве в непростое время политической смуты, и способствовала утверждению российского единого государства. В 1428 г. соперник Василия II галицкий князь Юрий Дмитриевич под давлением авторитета Витовта был вынужден признать себя «молодшим братом» московского князя [Собрание... с. 86].

Именно эти обстоятельства позднее позволили включить фигуру властолюбивого литовского правителя в композицию известного памятника «Тысячелетие России» в Великом Новгороде. После 1425 г. Витовт выступил фактическим опекуном будущей российской государственности, гарантом завещания Василия I, чем по праву заслужил свое место в общей истории литовско-русских земель и великого княжества Московского.

В дальнейшем, уже после смерти Витовта, тяжелейшая феодальная война в русских землях, затянувшаяся на четверть века (1425–1453), завершилась победой сторонников Василия II при благожелательном нейтралитете Литвы. В 1446 г. ближайшие соратники Василия II — князья Боровский, Ряполовские, Оболенские и др. — вынуждены были бежать из Москвы после неудавшегося заговора против временно захватившего власть Дмитрия Шемяки. Князья нашли убежище во владениях литовского князя — на Брянщине и Северщине. Осенью 1446 г. объединенные войска Василия Боровского из Мстиславля и Семена Оболенского из Брянска, получив известие об освобождении из заточения Василия II, выступили на помощь князю. Союзники приняли активное участие в его утверждении на московском престоле. Литва в конце гражданской войны 1425–1453 гг. выступила надежным тылом Василия II, позволив московскому князю восстановить свои права на великое княжение, опирающиеся на завещание его отца Василия I Дмитриевича, зятя Витовта.

В 1449 г. Василий II и новый великий князь литовский (и король Польши) Казимир IV Ягеллон заключили мирный договор («вечное докончанье»), подтверждающий московско-литовские границы. Договор содержал обещание не поддерживать внутриполитических противников друг друга, что было важно в условиях феодальной войны.

Также Казимир IV отказывался от претензий на Новгород и Псков, признавая права Василия II на эти земли.

Хотя все московские великие князья после Василия II являлись потомками Витовта, роль западного соседа в поддержке военно-политических усилий Василия по утверждению московского единодержавия оказалась достаточно быстро предана забвению. С усилением польского влияния на Великое княжество Литовское это государство стало рассматриваться в роли экзистенциального врага московских князей, соперника в их исторической миссии собирания Руси. Более того, Литва в XV в. сама пережила масштабную феодальную войну, когда православная знать ВКЛ, объединившись под знаменем великого князя Свидригайло Ольгердовича, попыталась отстоять свои религиозные и политические права. «Свидригайловы войны» (феодальная война в ВКЛ 1432–1438 гг.) потрясли до основания здание литовского государства, казалось, столь прочно утвержденное Витовтом. Эти события затормозили процессы «собирания земель» и политической централизации. (Временное усиление феодального сепаратизма можно было наблюдать и в Московском княжестве того времени). Исторические пути Москвы и Литвы с окончанием эпохи Витовта и Василия I / Василия II окончательно разошлись.

Для понимания будущих глубоких трансформаций политического строя в ВКЛ и Московском великом княжестве следует обратить внимание на различную судьбу боярского класса в этих двух государствах. Если в Московском княжестве в XV в. боярский класс оказался консолидирован вокруг великокняжеской власти и все реже проявлял политические амбиции, то в ВКЛ наблюдалась прямо противоположная тенденция. «Свидригайловы войны» показали литовской династии, что с боярской аристократией необходимо считаться, процессы унификации управления, централизации и укрепления великокняжеской власти были заторможены¹. Со времен великого князя Александра Ягеллона (1492–1506) великокняжеская власть была ограничена и на законодательном уровне, что предопределило будущий расцвет литовско-русской аристократии и господство «панов-рады» в политической жизни ВКЛ.

Суть дальнейшей общественно-политической эволюции литовского государства часть исследователей вполне справедливо объясняет постепенной утратой древнерусского политического наследия [Владимирский-Буданов, с. 56; Любавский с. 276]. Привилегии, которые первые литовские князья столь щедро предоставляли русским землям и их исторически сложившимся сословным группам, постепенно становятся исключительно «шляхетскими» привилегиями. Древний русский боярский класс, прежде выступавший опорой великокняжеской власти («дума добрых бояр»), эмансипируется, воспринимает католицизм и польскую культуру, трансформируясь в самостоятельную политическую силу ВКЛ. На смену «земскому строю русских областей» приходят

---

1 Победитель Свидригайло, Сигизмунд Кейстутович (младший брат Витовта), пал в результате аристократического заговора в 1440 г. Новый великий князь Казимир IV Ягеллон был вынужден пойти на широкие уступки боярской аристократии и в целом православному населению ВКЛ.

аристократические порядки шляхетской Польши. Землевладельцы в ВКЛ, как пишет М.Ф. Владимирский-Буданов, постепенно «получают верховную власть в своих владениях [...] Наконец, и здесь паны становятся настоящими феодальными баронами в XVI и XVII веках» [Владимирский-Буданов, с. 56].

После Люблинской унии 1569 г. Литва добровольно расстается со своей политической субъектностью — литовско-русское государство превращается из крупной восточноевропейской державы в рядовую польскую провинцию.

Литература

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. I. 1340–1506. СПб. 1846.

Барбашёв А.И. Очерки литовско-русской истории XV века. Витовт. Последние двадцать лет княжения (1410–1430). СПб. 1891.

Беспалов Р.А. Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I // Средневековая Русь. Вып. 12. М. 2016. С. 129–182.

Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. II. СПб. 1885.

Бычкова М.Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М. 1998.

Великое княжество Литовское // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 4. М. 1971.

Вестник Европы. Часть 157. № 23–24. 1827.

Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб. 1868.

Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Т. I. М. 2005.

Дворниченко А.Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. С. 97–120.

Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого Княжества Литовского при Ягеллонах. Киев. 1901.

Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. / [Послесл. В.Б. Кобринина и др.]. М. 1991.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. СПб. 1819.

Ключевский В.О. Курс русской истории. СПб. 1904. — URL: runivers.ru/lib/book3102/9767/ (дата обращения: 05.09.2022).

Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб. 1908.

Кудий Г.Н. Русская Атлантида. Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское в истории и русской государственности. Факты, мифы и размышления. М. 2012.

Кучкин В.А. Три завещания Василия I // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (64). 2016. С. 33–54.

Леонтович Ф.И. Русская правда и Литовский статут, в видах настоятельной необходимости включить литовское законодательство в круг истории русского права. Киев. 1865.

Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Русь (1411–1432 гг. от Р.Х.) Книга 12. — URL: runivers.ru/lib/book6958/480116/ (дата обращения: 05.09.2022).

Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М. 1915.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории / [соч.] проф. С.Ф. Платонова. 10-е издание, пересмотренное и исправленное. Петроград. 1917.

Сергеев Н.М. Литовско-Русское государство: от великодержавности к польской провинции // Постсоветский материк. № 4(24). 2019. С. 19–39.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Т. I. М. 1813.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга первая. Т. IV. Княжение Василия Дмитриевича (1389–1425). СПб. 1851.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи / в благословенное царствование Императора и Самодержца Николая I, при Министре Народного Просвещения С.С. Уварове; иждивением Общества истории и древностей российских, в председательство А.Ф. Малиновского; трудами и попечением кн. М.А. Оболенского, главного смотрителя комиссии печатания государственных грамот и договоров. М. 1836.